

**Письма В. А. Жуковского къ
Московскому Почтдиректору А. Я. Булгакову⁽¹⁾.**

I.

10го, 2 Октября 1843.
Дюссельдорфъ.

Я такъ давно къ тебѣ не писалъ, моя рожица, что уже и не знаю какъ писать, а мнѣ надобно бы было еще и поблагодарить тебя за присылку твоей панегирической диссертациі о

(1) Сообщены Павломъ Александровичемъ Булгаковымъ. Сл. Библ. Зап. 1858, стр. 547.

гуслисѣ Листѣ. Слово *гуслисѣ* весьма ему прилично, ибо всякой, слушающей его, долженъ говорить: экой *гус!* А ты это восхищаніе весьма хорошо перифразировалъ въ своей статьѣ, которую я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ, за которую тебя благодарю, хотя и долженъ признаться, что еще не слыхалъ Листа; а это тѣмъ непостижимѣе, что я *мог* его слышать, ибо онъ проѣзжалъ черезъ Дюссельдорфъ; даваль здѣсь концертъ, а я варваръ не полѣзъ изъ кожи, чтобы услышать его. Я только разъ имѣлъ счастіе встрѣтиться на пароходѣ съ его собакою изъ знаменитой фамиліи Шпицовъ, которую подарила ему Великая Княгиня Ольга Николаевна (по словамъ молодаго Француза, юхавшаго на пароходѣ съ юнимъ Шпицомъ къ Листу, который тогда находился въ Кобленцѣ и который этому Французу поручилъ воспитаніе своей собаки). И подлинно я имѣлъ случай полюбоваться нѣжности этого воспитателя къ своему четвероногому питомцу: онъ безпрерывно кликалъ его, передъ нимъ коверкался, пощелкивалъ пальцами, посвистывалъ и уже пренебрегалъ остальнымъ міромъ пароходнымъ. А когда я спросилъ у него: что за собака, то онъ гордо поднялъ голову и отвѣчалъ мнѣ съ героическою декламаціею: *C'est le chien de List.*—Но это эпизодъ давнишняго путешествія; а въ нынѣшнемъ году я былъ въ безпрестанныхъ разѣздахъ и только съ 26 Сентября н. с. уѣхалъ на мѣстѣ. Возилъ жену въ Эмсъ, гдѣ мы пробыли 5 недѣль; потомъ въ Швальбахъ, гдѣ прожили 3 недѣли. Проводивъ жену въ Дюссельдорфъ, я долженъ былъ сѣѣздить въ Штутгартъ, гдѣ говѣлъ и на проѣздѣ черезъ Баденъ, возвращаясь къ себѣ, узналь о прибытіи въ Берлинъ Государя отъ Великаго Князя Михаила Павловича. Это заставило меня по прїездѣ въ Дюссельдорфъ отправиться въ Берлинъ, гдѣ я остался до Государева

отъѣзда; наконецъ я кончилъ свою Одиссею и остался на мѣстѣ и принялъся за Одиссею Гомерову, съ которымъ мнѣ такъ же трудно ладить какъ самому Одиссею съ сердитымъ Нептуномъ; но надѣюсь на Минерву—поможетъ и мнѣ, какъ своему Греческому герою. Другихъ вѣстей у меня про тебя нѣтъ. О рожденьи царскаго внука (²) я узналъ скоро и самымъ приятнымъ образомъ: отъ Великаго Князя Михаила Павловича, къ которому дошло изъ Берлина телеграфическое извѣстіе въ Маинцъ, гдѣ онъ сѣлъ на пароходъ для переѣзда въ Англію. Онъ остановился въ Дюссельдорфѣ и прислалъ за мною фельдъегеря, чтобы сказать мнѣ радостную новость. Жду его теперь на возвратномъ пути изъ Англіи.

Вотъ уже Богъ знаетъ сколько времени, какъ я не получаю писемъ ни отъ кого изъ своихъ. Я знаю, что ко мнѣ должны быть письма, а писемъ нѣтъ. Это проказа почты. Жалуюсь тебѣ, какъ Почтѣ-Директору. У насъ, это извѣстно, письма распечатываются, и много незваныхъ читателей заглядываютъ въ страницы писанныя не для нихъ, отъ чего конечно великой пользы нѣтъ никому—но пусть читаютъ; да вотъ что худо, прочитанныя письма бросаются и не доходятъ къ тѣмъ, кому они адресованы. А часто бываетъ въ нихъ большая нужда. А propos. Читалъ ли ты Собаку-Кюстину? Вѣрно читалъ. Я не хочу знать, что ты думаешь о его похвальномъ словѣ Русскому народу въ 4 томахъ въ 8⁰. Но вотъ что желаю знать, видѣлъ ли ты его самого, когда онъ былъ въ Москвѣ. Я самъ былъ въ Москвѣ въ его время, ибо это было въ эпоху Бородинской годовщины; но я обѣ немъ не слыхалъ. Кого описываетъ онъ подъ именемъ Lovelace du Creml?

Я видѣлъ князя Дмитрія Владиміро-

(²) Покойнаго Великаго Князя Николая Александровича.

вича Голицына. Нарочно для меня прїѣзжали они изъ Кельна въ Дюссельдорфъ. Я былъ ему Cicerone^{въ} здѣшнихъ ateliers; потомъ онъ пилъ у меня чай и ужиналъ и на другой день на пароходѣ отправился обратно въ Кельнъ, чтобы по желѣзнѣй дорогѣ промчаться чрезъ Альпы и Бельгію и потомъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ. Я очень былъ радъ его видѣть и очень тронутъ его лестнымъ обо мнѣ воспоминаніемъ. Онъ, кажется, довольно здоровъ.

Прощай, моя душа. Приложенныя письма прошу разослать по адресамъ. Да напиши мнѣ побольше вѣстей Русскихъ. Въ Allgemeine Zeitung стоитъ о поѣздкѣ Императорской Фамиліи въ Москву. Я не имѣю никакихъ извѣстій обѣ этомъ. Правда ли, и что еще у васъ дѣлается? Еще вопросъ: я давно, давно уже слышалъ, что Боде (³) выигралъ свой процессъ въ Англіи и что имъ слѣдуетъ получить большія суммы. Правда ли это? и въ чёмъ состоитъ выигрышъ?

II

Съ послѣдняго письма моего, милый Александръ, много воды утекло въ рѣкѣ Рейнѣ и во всѣхъ рѣкахъ сего міра. А съ Рейнской водою и я утехъ изъ Дюссельдорфа во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ и поселился, гдѣ и пребуду до моего преселенія къ вамъ на берега Москвы, что конечно не замедлитъ, если Богу угодно будетъ, чтобы жена моя благополучно подарила своей дочкѣ или брата или сестру и чтобы послѣ этого подарка ея здоровье устроилось.—Но теперь пишу къ тебѣ не для того, чтобы рассказывать о себѣ и о своихъ, до этого дойдетъ послѣ. Во все послѣднее время,

(³) Баронъ Левъ Карловичъ Боде, покойный президентъ Московской дворцовой конторы; мать его была изъ старинной англійской фамиліи Киннерслей; процессъ бароновъ Боде состоится во взыскѣ съ Англійскаго правительства полученныхъ имъ съ Франціи для выдачи баронамъ Боде и не уплачиваемыхъ доселѣ суммъ.

отъ бездны разныхъ хлопотъ и отъ переѣздовъ, я не писалъ никому и былъ похожъ на размыканную тряпку; теперь начинаю быть похожимъ если еще не на человѣка, то хотя на обезьяну, а скоро дойду и до человѣческаго образа; тогда заговорю порядкомъ и съ тобою. Теперь же другое дѣло до тебя и очень важное: прошу тебя позаботиться о немедленномъ и вѣрномъ доставленіи приложеннаго письма. Если Викулина нѣтъ ни въ Задонскѣ, ни въ его деревнѣ, то нельзя ли черезъ Почтамтъ за деньги узнать, гдѣ онъ, дабы ему переслать письмо. Въ доставленіи его состоить кровная нужда, и ты обяжешь меня много, много, если примешь къ сердцу это дѣло.— Увѣдомь немедленно, что сдѣлаешь. Тургеневъ былъ у меня, теперь въ Киссингенѣ, оттуда въ Вильдбадъ и можетъ быть въ Гастайнѣ. Онъ теперь охилѣлъ и много страдаетъ отъ болѣзни и отъ мыслей. Послѣ леченія проживетъ у меня.— Дай вѣрныхъ вѣстей о томъ, что у васъ дѣлается.

Твой Жуковскій.

^{11/23} Іюля 1844.

Франкфуртъ на Майнѣ.

Можетъ быть и еще будутъ письма на имя Викулина, они пойдутъ черезъ тебя; не откажись переслать ихъ: дѣло не только нужное, но и благодѣтельное со стороны твоей.

III.

Прошу тебя, мой милый Булгаковъ, описать мнѣ всѣ подробности, какія, ты знаешь, кончины нашей несравненной Великой Княгини (⁴). Хотя ты и не въ Петербургѣ, но вѣрио все знаешь; да въ Москвѣ многое можешь собрать. Я желалъ бы имѣть все, что обѣ ней говорять, желалъ бы знать всѣ малѣйшія обстоятельства. Я знаю, что ты не полѣнишься мнѣ написать — ибо тебѣ будетъ угодительно говорить

(⁴) Александры Николаевны.

обѣ ней, и можешь быть увѣренъ, что сдѣлаешь мнѣ сердечное добро. И такъ буду отъ тебя ожидать большаго письма, и конечно ты мнѣ будешь отвѣтить немедленно. Я только что узналъ о этомъ общемъ несчастіи; но подробностей нѣтъ никакихъ, а изъ Петербурга никто ко мнѣ не пишетъ.

Самъ я къ тебѣ пишу мало, ибо надобно написать нѣсколько писемъ немедленно. Обнимаю тебя отъ всего сердца.

Жуковскій.
11/23 Августа 1844.
Франкфуртъ Н. М.

IV.

^{11/23} Генваря 1845 г.

Мой милый Александръ, поздравляю тебя съ Новымъ годомъ; а ты поздравь меня съ сыномъ, который въ самый Новый годъ родился и теперь уже провелъ первые десять дней земной жизни своей весьма благополучно. И мать и ребенокъ здоровы, и все идетъ, благодаря милосердому Богу, такъ хорошо, какъ только желать можно. Сынишка мой начинаетъ уже нѣсколько бѣльть, благодаря здоровому питью, которое черпаетъ изъ груди матери; до сихъ поръ онъ былъ красенъ какъ ракъ и имѣлъ всѣ пріемы рака; теперь начинаетъ поглядывать кругомъ себя веселыми черными глазами, которые очень свѣтлы и милы; думаю, что онъ болѣе будетъ похожъ на свою мать нежели на меня: тѣмъ лучше; только едвали будетъ, какъ она, блокурый. Благодарю тебя за скорое доставленіе моего послѣдняго письма и за увѣдомленіе о томъ. Но напрасно ты гиѣваешься на мой дурной почеркъ: онъ все конечно лучше твоего. Ты же для разбора моихъ писемъ имѣешь подлѣ себя нѣкоторую Ольгу, съ которой иногда по десяти минутъ за однимъ словомъ просиживаешь. Если бы у меня была такая помощница для разбора твоихъ писемъ, то я бы благо-

словляль твои каракульки; но жена по русски не разумѣеть, Ольга⁽⁵⁾ твоя далеко, и я долженъ битъся одинъ какъ рыба въ сѣтяхъ твоего неизглаголаннаго маранья. И такъ мы другъ другу ничѣмъ не должны. И ты во всякомъ случаѣ въ выгодаѣ. Не ворчи же. Изъ присланной мнѣ росписки Шевырева я вижу, что ты написалъ статью о кончинѣ кн. А. Н. Голицына. Я хотѣлъ просить тебя, чтобы ты мнѣ сообщилъ ея подробности; но въ твоей статьѣ вѣроятно заключается все главное. Пришли мнѣ ее или въ спискѣ или печатную, и дополни то, чего будетъ не доставать и чего, можетъ быть, ты не хотѣлъ сказать публикѣ. И для меня сердечная потеря кончина нашего доброго князя. Онъ основатель моего благосостоянія⁽⁶⁾; онъ всегда мнѣ дѣлалъ добро по сердцу, и черезъ него всегда можно было дѣлать добро другимъ. Во многихъ отношеніяхъ рѣдкій человѣкъ. Съ нимъ исчезъ вѣкъ Екатерины; онъ былъ оставленный бояринъ, царедворецъ въ хорошемъ смыслѣ и приятный собесѣдникъ. Такихъ экземпляровъ въ нынѣшнемъ нашемъ большомъ свѣтѣ ужъ не много осталось; да и осталось ли? кто бы? Если знаешь, назови.

Я забылъ тебѣ сказать, что мой сынъ будетъ названъ Павломъ. Крестить его будетъ Великій Князь Наслѣдникъ. Крестины совершены будутъ въ день моего рожденія 29 Генваря с. с. Въ этотъ день обо мнѣ вспомни. Обнимаю Жуковскій.

V.

Я къ тебѣ давнимъ давно писалъ, любезнѣйшій Александръ, о рождениіи моего сына Павла, которому теперь уже исполнилось шесть недѣль. Но видно, что ты этому извѣстію не радъ,

⁽⁵⁾ Княгиня Ольга Александровна Долгорукова, дочь А. Я. Булгакова.

⁽⁶⁾ См. Рус. Арх. 1867 г., стр. 816.

ибо отъ тебя нѣтъ отвѣта; но видно и родные мои не рады, ибо ни на одно изъ писемъ, вложенныхъ въ твой пакетъ, я также не получилъ отвѣта; и никто изъ Петербургскихъ друзей моихъ мнѣ не отвѣчаетъ. Что за онѣмѣніе такое пришло въ васъ! Одинъ только крестный отецъ сына, мой милый Великій Князь, за всѣхъ ко мнѣ пишетъ; вчера получилъ третье письмо Его послѣ рожденія сына. За то, что въ такомъ случаѣ ты могъ со мною играть въ молчанку, болѣе писать не буду; а только возлагаю на тебя обязанность переслать приложенныя письма по адресамъ. И въ нихъ только весьма коротко сказанная побранка. Впрочемъ все мы Русскіе люди—то есть беспечные лѣнивцы; между ними ты еще лучшій; ты человѣкъ аккуратный и въ перепискѣ часто воспитательный. А пишешь, не погнѣвайся, хотя и прекраснымъ почеркомъ, а менѣе четко нежели я; я не бѣсился бы на твои каракульки, если бы твоя милая княгиня Ольга мнѣ помогала ихъ разгадывать; но въ одиночку это горячка съ пятнами. Жена же на бѣду еще полная Нѣмка и Русскому языку не горазда.

Прощай. Увѣдомь что у васъ дѣлается.

Жуковскій.

^{10/22} Февраля (1845).

VI.

^{11/23} Апрѣля⁷ (1845).

Христосъ Воскресе, мой милый Александръ. И это письмо не есть еще отвѣтъ на твои милыя, дружескія, длинныя и совершенно не разборчивыя. Теперь хочу только послать тебѣ братское, христіанское привѣтствіе въ день великаго праздника, который нигдѣ такъ не празднуется, нигдѣ такъ не говоритъ сердцу, нигдѣ такъ не согрѣваетъ въ душѣ семейнаго чувства, и божественнаго и человѣческаго, какъ въ нашей Москвѣ, гдѣ столько разъ въ моей молодости слы-

шаль я голосъ нашего громозвучнаго колокола Ивановскаго, котораго гулъ въ великую полночь Воскресенія какъ будто сливалъ въ одинъ гимнъ и небо и землю. Приведетъ Богъ, авось, и на старости съ моими молодыми дѣтьми и съ моими старыми друзьями услышать опять этотъ голосъ, столь выразительный, столько прошедшаго воскрешающій, столько будущаго вызывающій.— Еще и съ тобою надѣюсь не разъ поцѣловаться въ Успенскомъ соборѣ, и услышать отъ тебя па мое Христосъ Воскресе, твоє отвѣтственное Воистину Воскресе. Прощай пока. Нерадай одно приложенное письмо и перешли другое. И то и другое короче этого. Во всѣхъ нихъ только *Христосъ Воскресе!* Но развѣ этого мало?

Вчера я получилъ письмо отъ нашего старика Полетики⁽⁷⁾. Онъ ѿдѣть за границу въ маѣ и обѣщаетъ навѣстить меня на берегу Майна. Радъ буду сердечно увидѣть его. Ж.

VII.

1/3. Октября 1845 г. Франфуртъ н/М.

Видиши ты какой—не пишешь да и только; а я писалъ къ тебѣ изъ Ниренберга и пакетъ къ тебѣ огромный послалъ и не знаю, получилъ ли ты эти письма; и сказалъ ли Тургеневу, что ему стыдно, прѣхавши въ Москву, забыть меня и не увѣдомить по крайней мѣрѣ жену мою о томъ, что съ нимъ дѣластся, какъ его здоровье, что онъ дѣлаетъ, что будетъ дѣлать, гдѣ останется на зиму и что потомъ. Скажи ему опять, что я о болѣзни его и о разныхъ его похожденіяхъ съ

(7) Петръ Ивановичъ Полетика, долго бывшій дипломатомъ и, между прочимъ, посланникомъ нашимъ въ Соединенныхъ Америк. Штатахъ, потомъ сенаторомъ въ Петербургѣ, кончившій жизнь свою въ отставкѣ. Онъ былъ членомъ Арзамасскаго общества, подъ прозваніемъ «Очарованный Челнокъ», вслѣдствіе многихъ странствованій его по старому и новому свѣту. При большомъ простодушіи и добродушіи, имѣлъ онъ какую-то формальность и брюзгливость квакера и американца. Ср. стр. 1466-ю.

Коппомъ не говорилъ, ибо это только бы разсердило Коппа: онъ за глаза никого лечить не хочетъ и разъ мнѣ это уже объявилъ. Попроси его покорнейше увѣдомить меня письмомъ и подробнымъ письмомъ такимъ, какія онъ пишетъ изъ Парижа къ друзьямъ для Современника и Москвитина. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я возвратился изъ Ниренберга, гдѣ прожилъ болѣе двухъ недѣль, ожидая Императрицы (не считая поездки до Гофа и обратно, что произошло отъ сумятицы въ маршрутѣ) и наконецъ Ея дождался и очень радъ, что не поѣхалъ для свиданія съ Нею въ Берлинъ; иначе мнѣ, и особенно женѣ моей, не было бы никакого способа быть съ Нею. Напротивъ въ Ниренбергѣ это было какъ нельзя лучше. Она для отдыха цѣлый день провела въ Ниренбергѣ. Въ самый день Ея туда прїѣзда я выѣхалъ на встрѣчу къ Ней по желѣзной дорогѣ въ Гамбургъ, тамъ съ Нею обѣдалъ, съ Нею прїѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Ниренбергъ, и въ тотъ же вечеръ Она прігласила жену; на другой день въ 10 часовъ утра жена привела къ Ней дочь и осталась у Нея болѣе часа; потомъ мы у Нея обѣдали; послѣ обѣда въ пять часовъ Она вѣдѣла женѣ опять прийти къ Ней съ дочерью, которой надавала игрушекъ; потомъ опять мы у Нея ужинали. А на другой день и я и жена, пришедши рано по утру въ трактиръ, гдѣ Она почивала, чтобы съ Нею проститься, нашли Ее одну съ Великимъ Княземъ, и Она настѣ пригласила съ собою завтракать. Такимъ образомъ въ двадцать четыре часа жена видѣла Ее на просторѣ шесть разъ, чего въ другомъ мѣстѣ въ цѣлый годъ не могло бы случиться, и изъ этихъ 6-ти свиданій два были такія, которыхъ душа никогда не забудеть. Императрицу надоно видѣть въ близи; нѣть ничего прелестно-добрѣе этой высокой, свѣтлой души; въ Ниренбергѣ, послѣ пя-

ти лѣтъ разлуки, я встрѣтилъ Ее точно такую, какую зналъ въ лучшія минуты Ея жизни. А я знаю Императрицу конечно лучше всѣхъ Ея приближенныхъ: то есть знаю сокровища Ея сердца. На счетъ здоровья Ея я теперь совершенно успокоился: это не аневризмъ, а просто разстройство нервъ, которыя покоемъ, климатомъ и путешествиемъ придутъ въ порядокъ, и Она возвратится къ намъ совсѣмъ изцѣленною.—Я здѣсь видѣлъ Похвиснева; онъ мнѣ говорилъ о домѣ Вяземскаго въ Москвѣ и совѣтовалъ его нанять. Есть ли домъ у Вяземскаго? Нельзя ли мнѣ прислать его планъ? Я буду о немъ писать къ Вяземскому. Видишь, что я не на шутку къ вамъ собираюсь. Прощай. Приложенное перешли

Ж.

VIII.

Вотъ какая оказія, Александръ Яковлевичъ! Вздумалось мнѣ подражать—хорошо, хорошо! радуюсь и поздравляю⁽⁸⁾. Одиночество плохой товарищъ подъ старость; ты выдумалъ самое лучшее средство прогнать отъ себя этого надоѣдалу; и поступаешь, вижу, весьма осторожно; не на счастіе вынимаешь билетъ изъ лотерейной кубышки, ибо въ такомъ случаѣ могъ бы вынуть и пустой, а, подсмотрѣвъ выигрышный, хватаетесь за него навѣрное. Въ добрый часъ, дай Богъ тебѣ долго, долго тѣшиться самоизбраннѣмъ счастіемъ; а когда придетъ пора, желаю, чтобы съ тобою и съ женою случилось тоже, чтò съ покойнымъ Филемономъ и его сожительницѣю Бавкидою: оба, разомъ, въ одну минуту, стали сѣнистыми деревьями. И если въ самомъ дѣлѣ, по прошествіи многихъ лѣтъ, вздумается вамъ опять превратиться въ деревья, то обѣщаю тебѣ, что мои дѣти съ моими внуками будутъ приходить подъ вашу

тѣнь и будуть поминать васъ добромъ и меня вмѣстѣ съ вами. Но пока еще мы на этомъ свѣтѣ, дай Богъ тебѣ на долго такое счастіе, какое Онъ мнѣ далъ—лучшаго желанія тебѣ на свадьбу подарить не могу; пусть будетъ оно отъ меня приданымъ женѣ твоей. А когда ваша свадьба? Прошу увѣдомить объ этомъ и все описать съ обыкновеннымъ твоимъ любезнымъ многорѣчіемъ.—Въ будущемъ году самъ пріѣду освидѣствоваться, вполнѣ ли получено посыплюемое мною приданое; что впрочемъ и несомнѣнно. Ибо такого рода посылка дойдетъ до тебя вѣрно: ты же самъ Почтъ-Директоръ. Прошу меня представить будущей любезнѣй женѣ твоей, а я заочно рекомендую ей свою.

Что же это дѣлается съ Тургеневымъ? Бывало, изъ Парижа и изъ Карлсбада пишетъ А теперь давнымъ давно ни слова. Я этого понять не умѣю. Попроси его разгадать мнѣ эту загадку. Сердиться ему на меня кажется, не за что. А не писать писемъ противно его натурѣ. Тутъ есть какая нибудь закорючка. Но я, скажи ему, до тѣхъ поръ не напишу къ нему, пока не увижу передъ собою письма его.

Прощай. Жена тебѣ кланяется дружески.

Жуковскій.

30 Октября. 1845 г.

IX.

20 декабря 1845 г.

1 генваря.

Милый другъ, душевно благодарю тебя за то, что ты обо мнѣ вспомнилъ въ такую горькую для обоихъ нась минуту⁽⁹⁾. Вотъ и еще одинъ дорогої товарищъ жизни меня оставилъ, и онъ изъ всѣхъ былъ самый давнишній. По старшинству лѣтъ надлежало бы мнѣ пойти впередъ, но Богъ ми-

(8) А. Я. Булгаковъ въ это время женился вторично на вдовѣ Мацневой.

(9) Кончина А. И. Тургенева въ Москвѣ 3 декабря 1845 года.

лости въ со мною; такъ недавно окруживъ меня моимъ особеннымъ міромъ, въ которомъ жизнь моя можетъ быть и мила и нужна, не мнѣ, а моимъ, Онъ благоволилъ отложить мое отбытие; Онъ выбралъ изъ нашего круга одного изъ самыхъ усталыхъ и послалъ ему смерть какъ награду, быструю, безъ страданія, и даже христиански-приготовленную: какого приготовленія къ смерти можно желать лучше этихъ часовъ, проведенныхъ подъ зимнею выюю, посреди бѣдныхъ ссыльныхъ, для раздачи имъ помощи, предварительно собранной Христа ради?—Смерть удивительно и быстро знакомитъ съ истиной бывшимъ человѣкомъ: теперь, когда думаю объ немъ, вижу одну младенческую душу безъ пятна, въ которую никогда злое намѣреніе не заходило. Все мелочное осыпалось какъ пыль; одно доброе, истинно прекрасное сіяетъ передъ умиленнымъ сердцемъ. Это мелочное принадлежало жизни, это прекрасное съ нимъ на всю вѣчность. Я считаю великимъ для себя счастіемъ, что онъ, въ послѣднее время (ведя такъ давно кочевую жизнь по Европѣ) отдохнулъ (и два раза) подъ моей семейной кровлею, гдѣ было ему очень привольно. Такимъ образомъ будетъ у меня не одно *одинокое*, мое объ немъ воспоминаніе, но и воспоминаніе *семейное*: жена съ нимъ тотчасъ сдружилась и поняла очень скоро все, что было въ немъ такъ особенно прекрасно; смерть его была для насъ общимъ родственнымъ горемъ. Вчера я послалъ къ его брату⁽¹⁰⁾ письмо *предупредительное*, дабы не вдругъ ударить по сердцу его страшнымъ извѣстіемъ. Изъ этого письма онъ увидѣтъ что ему нельзя ожидать ничего *хорошаго* и приготовится къ послѣднему слову; а это послѣднее слово пошлю къ нему нынче. Помоги ему Богъ сладить съ новою бѣдою! Правда, около

него есть семья, но въ братѣ имѣль онъ все остальное, чѣмъ на землѣ дорого: друга, отца, благотворителя.— Прошу тебя увѣдомить меня, въ какомъ положеніи хозяйственныя дѣла ихъ? Все ли утверждено за братомъ? Такъ же я бы желалъ, чтобы бумаги, оставшіяся въ Москвѣ послѣ А., не были тронуты. Думаю, что онъ всѣ находятся у Ал. Ил. Нефедьевой⁽¹¹⁾. Нельзя ли попросить ее отъ меня, чтобы до моего прибытія въ Москву онъ былъ оставлены подъ ея печатью: надобно ихъ сохранить и привести въ порядокъ. Это дѣло друзей его. Увѣдомь обо всемъ, что было послѣ твоего посланного письма.

Поручаю тебѣ сказать мое душевное почтеніе Александрѣ Ильинишнѣ: Богъ послалъ ей великое утѣшеніе, дававъ возможность закрыть глаза нашему другу. Думаю, что я вполнѣ понимаю ея теперешнее чувство; и я всѣмъ сердцемъ дѣлю его: оно болѣе умилильное нежели тяжелое и горькое.

X.

Благодарю тебя, мой милый, за доставленіе статьи Погодина⁽¹²⁾. Въ ней есть хорошее, потому что она написалась съ доброжелательствомъ и съ убѣженіемъ. Я бы желалъ, чтобы Вяземскій написалъ о нашемъ добромъ отшедшемъ. Въ смерти есть что-то магическое. Сорвавъ съ души тѣло и бросивъ его во гробъ, она вдругъ, какъ будто снова, но совершенно знакомитъ съ душою, отъ которой все, что не она, вдругъ отѣлилось и отпало. Такъ и здѣсь. Мнѣ такъ ясно, такъ вполнѣ видится его прекрасная, добрая, высокая душа, не омраченная никакою дурною примѣсью, всегда готовая на добро, всегда полная участія, до конца сохранившая свою чистоту и свое благородство.

⁽¹¹⁾ Родственница Тургенева, у которой онъ останавливался и скончался въ Москвѣ.

⁽¹²⁾ Объ А. И. Тургеневѣ, въ № 148.

По всѣмъ качествамъ, составляющимъ прямо добрачо человѣка, онъ былъ конечно между нами лучшій. Самые недостатки его имѣли источникъ добрый, и кого, когда нибудь оскорбляли его недостатки? Они не имѣли корня внутри души; они были какой-то внѣшній наростъ, который, какъ щелуха съ зерна, осыпался съ души въ минуту ея освобожденія. Я бы желалъ, чтобы Вяземскій посвятилъ памяти друга перо свое; я бы желалъ, чтобы онъ на писаль о немъ безъ *приготовленія*, какъ скажетъ сердце, что придетъ въ умъ въ первую минуту. Пускай напишеть онъ объ немъ ко мнѣ — я увѣренъ, что онъ скажетъ все и скажетъ какъ никто; и что неуловимая физиогномія ума Тургенева и весь чистый єиміамъ его души сбережется вполнѣ для его любившихъ. Перешли эти строки къ Вяземскому. А тебя прошу передать приложенное письмо князю Щербатову (¹³). Я прошу у него доставить мнѣ свидѣтельство о смерти Тургенева по всей надлежащей формѣ. Оно мнѣ нужно для пересылки въ Парижъ. И понеже оно должно быть документомъ для правительства французскаго, то оно должно быть скрѣплено или свидѣтельствомъ французской миссіи или французскимъ консуломъ, если таковой имѣется въ Москвѣ. Если есть въ Москвѣ консулъ, заставь его скрѣпить свидѣтельство; если же нѣтъ консула, пошли свидѣтельство къ Вяземскому, дабы онъ, выхлопотавъ скрѣпу отъ миссіи, немедленно доставилъ мнѣ бумагу. Ты меня весьма, весьма одолжишь, если это дѣло уладишь какъ можно скорѣе. Пришпорь Щербатова.

Жуковскій.

31 Декабря 1845.

12 Генваря 1846.

Дай Богъ тебѣ всячаго добра на Новый годъ. Тебѣ и всѣмъ.

(¹³) Московскій градоначальникъ князь Алексѣй Григорьевичъ.

XI.

Благодарствую, голубчикъ ты мой, за доставленіе письма отъ Елагиной, которое получилъ я тому уже двѣ недѣли. Успокойся на счетъ посылаемыхъ писемъ: они всѣ доходятъ точно. Я получилъ отъ Лужина свидѣтельство о смерти Тургенева. Лужинъ въ письмѣ своемъ говоритъ, что было послано прежде свидѣтельство княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ. Я его не получалъ; какъ могло оно пропасть на почтѣ, понять не умѣю. Увѣдомь, душа моя, что дѣлается съ Вяземскимъ, гдѣ онъ и пишетъ ли къ тебѣ? Ко мнѣ онъ совсѣмъ не пишетъ. Правда, и я къ нему не пишу. Но онъ и о смерти Тургенева не сказалъ мнѣ ни слова. Безъ тебя я бы узналъ объ ней изъ газетъ. Ты рѣдкой корреспондентъ. Ты созданъ былъ почтдиректоромъ дружбы и великой Русской Имперіи. Въ семъ отношеніи возлагаю на тебя легкую обязанность переслать приложенное письмо въ Одессу. А я долженъ кончить, не для того, чтобы положить перо, а для того увы! чтобы написать еще болѣе пятнадцати писемъ — все откладывалъ, все откладывалъ, наконецъ накопилось такъ много не отвѣтствованныхъ писемъ, что они окружаютъ меня какъ мучительныя привидѣнія, которые день и ночь воютъ мнѣ въ уши: пиши, пиши, окаянный! И такъ прости, мой милый, эпистолярный проводникъ. Если у васъ хоть какаянибудь значительная новость, сообщи ее мнѣ. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ.

Жуковскій.

16
28 Марта 1846.

XII.

21
2 Мая 1846.

Въ этотъ день за пять лѣтъ передъ симъ, подымались на гору (называемую Ротенбергъ, возвышающуюся

надъ маленьkimъ городкомъ Канштатомъ) двѣ кареты. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ однорукій инвалидъ съ двурукимъ поэтомъ; а въ другой пожилая дама съ двумя прекрасными дочерьми; инвалидъ былъ мужъ этой дамы и отецъ обѣихъ дочерей; а двурукій поэтъ былъ женихъ старшей дочери. Было три часа по полудни. На Ротенбергѣ была Русская церковь, надъ прахомъ Виртемберской королевы, Русской Екатерины. День былъ прекрасный. Въ церкви совершилось вѣнчаніе, тихо и благоговѣйно. Этотъ обрядъ повторили у подошвы горы въ церкви лютеранской, гдѣ была сказана обѣянчанымъ простая, трогательная проповѣдь.—И теперь ровно пять лѣтъ прошло съ этой минуты; она имѣла благословенныя послѣдствія; и Жуковскій (ибо двурукій поэтъ былъ Жуковскій) можетъ сказать своему добруму Булгакову, что онъ въ эти пять лѣтъ познакомился съ настоящею жизнью, которой тайна хранится подъ замкомъ во святилищѣ семейномъ. Довольно ли съ тебя? Болѣе писать мнѣ некогда. Приложенія письма доставь немедленно. Если Свербеевой уже нѣть въ Москвѣ, то прошу тебя, и всѣми святыми умоляю, доставь письмо куда слѣдуетъ. Оно для меня весьма, весьма важное. А я тебѣ желаю продолженія того, что ты уже имѣешь, то есть, продолженія того добра, которое похоже на то, какое досталось мнѣ 1841 года.

Жуковскій.

2 Іюня
21 Мая.

XIII.

12/24 Апрѣля 1846.

Благодарствую, душа моя, за доставленіе свидѣтельства. Оно пришло уже поздно и было, такъ сказать, послѣ ужина французская горчица; но ты свое дѣло сдѣлалъ какъ добрый пріятель, и я тебѣ сердечно благодарю. Въ

тоже время благодарю и за московскія вѣсти. Царь явился Москвѣ на минуту, какъ доброе видѣніе, и мы познакомились съ младшими Царевичами: оба умны и милы; вотъ уже пять лѣтъ какъ я ихъ не видалъ; они конечно весьма много перемѣнились и къ лучшему, и вѣрно ужъ понравились Москвѣ, которая всегда, по Русской старинѣ, любила и любить Царя и Его семейство. Дай Богъ, чтобы этотъ духъ любви (историческое наслѣдство Русскаго народа, особенно Москвы отъ старыхъ за-Петровскихъ временъ) навсегда сохранился неприкосновеннымъ. Онъ палладіумъ нашего отечества, которому опредѣлено развиваться подъ властію патріархального Самодержавія. Но я не намѣренъ входить въ дальнѣйшія разсужденія о семъ предметѣ по той законной причинѣ, что мнѣ писать болѣе къ тебѣ некогда. Хотѣлъ тебѣ сказать только два слова, поблагодарить тебя да и только. Въ заключеніе скажу тебѣ и всѣмъ твоимъ: Христосъ воскресе! Нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ этотъ свѣтлый праздникъ Воскресенія такъ не празднуется какъ въ Москвѣ; и ничто такъ не напоминаетъ о ней, какъ заутреня на свѣтлое Воскресеніе. Я встрѣтилъ его въ Висбаденѣ, гдѣ провелъ недѣлю одинъ, говѣя. Тамъ очень хороший священникъ. Но прощай. Жена тебѣ кланяется.

Жуковскій.

XIV.

1846 г. 3 Іюля н. с.

Это письмо, которое пишу къ себѣ въ эту минуту, есть ровно тринадцатое написанное въ эти послѣдніе двадцать четыре часа. Я могъ бы, по щучьему велѣнью и по моему прошенію, просто запечатать въ пакетъ на твое имя письмо мое къ Свербеевой; но не хотѣлъ братъ грѣха на совѣсть, не хотѣлъ давать тебѣ повода браниться, не хотѣлъ и себя лишить удовольствія сказать тебѣ *здравствуй*, что имѣть

особенное достоинство, когда къ сему словцу здравствуй, столь легко произносимому словесно, надобно приклейть цѣлый письменный хвостъ, да еще этотъ хвостъ запечатать въ пакетъ и проч. и проч. Вотъ тебѣ письмо къ Свербеевой. Доставь его.. А я страшно усталъ отъ своихъ 12 писемъ, въ числѣ которыхъ три такихъ, которыхъ нельзя писать на черно, а надобно переписать, и переписать четко, три поздравительныхъ письма: къ Государынѣ, къ Великой Княгинѣ и къ Великому Князю. Все это должно возбудить великое уваженіе, тѣмъ болѣе что я пишу стоя, чтодля написанія 12 писемъ надо было отстоять себѣ ноги, что мои ноги стары, и что теперь жара несносная.. И такъ ты долженъ поцѣловать письмо мое. А что я тебѣ сказалъ въ этомъ письмѣ? Ровно ничего. Вотъ уже конецъ второй страницы; а ты узналъ отъ меня только то, о чёмъ и говорить бы не слѣдовало, именно то, что я пишу къ тебѣ письмо. Да что же мнѣ впрочемъ и сказать тебѣ въ эту минуту? Ровно нѣтъ ничего. Жарко; ѿду черезъ два дни въ Швальбахъ; Убриль, слава Богу, здоровъ; нынче понедѣльникъ, завтра вторникъ.—Ну доволенъ ли ты? Что же еще? Да! вотъ что: мои Петербургскіе кореспонденты все глухонѣмы, и у всѣхъ руки въ параличѣ; ни одинъ не пишетъ ко мнѣ. Ты не таковъ; ты рожденъ гусемъ, то есть все твоѳ существо утыкано гусиными перьями, изъ которыхъ каждое готово безъ устали писать съ утра до вечера очень любезныя письма. Въ слѣдствіе сей гусиной добродѣтели, поручаю тебѣ увѣдомить меня обо всемъ, что случится на свадебномъ торжествѣ Царя Русскаго (¹⁴).—Какіе будутъ пиры, какія будутъ милости? напиши подробнѣ. Только смотри, не такъ какъ

(¹⁴) Бракосочетаніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. См. письма къ Нему Жуковскаго въ Р. Архивѣ 1867 года.

написалъ въ послѣднемъ письмѣ, гдѣ назвалъ много свадебъ, а я почти ни одного имени разобрать не могъ.

XV.

Благодарю тебя, любезнѣйшій другъ, за твое письмо, въ которомъ по своему обыкновенію ты бралилъ меня за мою лѣнь и которое вѣрно написано за два дня передъ тѣмъ, какъ ты получилъ письмо мое. Изъ этого письма ты могъ увидѣть, что я теперь не на розахъ, а естьли и на розахъ, то только на осипавшихся розахъ, и чувствую одни ихъ шипы. До сихъ поръ это положеніе не перемѣнилось, и моя больная болына по прежнему. Дѣти, слава Богу, здоровы; въ эту минуту слышу, какъ они оба поютъ за три горницы отъ моего кабинета громкое дуо, въ которомъ голосъ Павла Васильевича гудить какъ колоколъ. Между извѣстіями твоими изъ Москвы одно для меня весьма печальное, извѣстіе о смерти Гр. Толстаго (¹⁵). Въ немъ было много хорошихъ качествъ; мнѣ лично были извѣстны одни только эти хорошія качества; все остальное было вѣдомо только по преданію: и у меня всегда къ нему лежало сердце; и онъ всегда былъ добрымъ пріятелемъ своихъ пріятелей. Но здѣсь пронесся слухъ о другой смерти въ Москвѣ, и этотъ слухъ меня тревожитъ—неужели Языковъ, поэтъ Языковъ умеръ? Прошу тебя, увѣдомь правда или нѣтъ. Молчаніе твое даетъ мнѣ надежду, что это извѣстіе басня. Будетъ жестокая потеря и для друзей Языкова и для отечества. Также и извѣстіе объ Аврорѣ для меня весьма печально. Увѣдомь о ней.—Прошу тебя переслать приложенное письмо и обнимаю тебя мысленно; всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы семейное твое счастье никакою тревогою не нарушилось.

Твой Жуковскій.

20 Генваря 1847.

(¹⁵) Графа Федора Ивановича?

XVI.

13/25 Мая 1847.

Мой милый Александръ, вотъ тебѣ еще нѣсколько писемъ для передачи и при нихъ дружеское объятіе, которое скоро обратится изъ эпистолярнаго объятія въ самоличное, ибо въ первыхъ числахъ Августа (н. с.) я надѣюсь быть *прользомъ* въ Москвѣ. Разумѣется, что, оставшись тамъ только день или много два, увижу только тебя. Знай это напередъ и смотри сдѣлай такъ, чтобы я тебя непремѣнно нашелъ въ это время въ Москвѣ. Планъ мой нынѣшнимъ годомъ возвратиться на *житѣе* въ Россію долженъ быть перемѣниться; докторъ мой, признавая путешествіе весьма полезнымъ и цѣлительнымъ для жены моей, никакъ не позволяетъ ей провести *нынѣшнюю* зиму въ нашемъ климатѣ, предсказываетъ навѣрное возобновленіе болѣзни и не иначе соглашается на совершенній ея переѣздъ въ Россію, какъ въ слѣдующемъ 1848 году. Хотя я и имѣю отъ Государя милостивое позволеніе остаться за границею до совершенного выздоровленія жены, но не могу не прѣхать нынѣшнимъ лѣтомъ: вотъ уже теперь ровно шесть лѣтъ, какъ я за границею; надобно всѣхъ васъ наконецъ увидѣть и все лично приготовить къ моему переселенію. Надѣюсь, что въ будущемъ году ничто не помѣшаетъ его совершить. Состояніе здоровья жены теперь стало сноснѣе; она не безпрестанно страдаетъ, но припадки отъ времени до времени возобновляются. Они приходятъ какъ мародеры арміи, которая сама удалилась, произведя великое опустошеніе; но мародеры по своей натурѣ бываютъ свирѣпѣ, хотя съ ними и легче сладить.—Теперь мы ждемъ нашего милаго, доброго, благодушнаго Великаго Князя Наслѣдника; на дняхъ я получилъ отъ Него письмо, въ которомъ Онъ увѣдомляетъ меня, что въ начальныхъ дняхъ іюня

(с. с.) будетъ на Рейнѣ: Повидавши съ Нимъ, я отправлюсь въ путь свой. Благослови меня Богъ добрымъ путешествіемъ, т. е. радостю увидѣть всѣхъ своихъ близкихъ (теперешнихъ; въ числѣ ихъ уже много умерло) и радостю возвратясь найти всѣхъ своихъ на лицо. Все это въ рукѣ Божіей; по слабости сердца мы можемъ просить, чтобы было все по нашему; но твердость сердца состоитъ въ томъ, чтобы все принималось изъ дающей руки, какъ свое, какъ лучшее для насъ. Не вся кому дана такая твердость. Теперь Франкфуртъ ожидался, и опять начинаютъ являться Русскіе люди на Нѣмецкой почвѣ, и Русскій духъ въ очахъ совершается. Недавно явился больной баронъ Ливенъ, который для леченія своего поселился въ Гомбургѣ; третьяго дня я видѣлъ возвратившагося изъ Италіи Кавелина, который теперь купается въ Шлангенбадѣ, потомъ поѣдетъ въ Гельголандъ для морскихъ ваннъ, а потомъ въ Петербургъ: слава Богу, онъ совершенно поправился, но дорого заплатилъ за эту поправку. Думаю, что скоро увижу Владимира Карамзина, который теперь въ Парижѣ и собирается возвратиться въ Россію.

Я на многія письма твои не отвѣчалъ; право, было во все это время не до того. Теперь поотлегло на сердце; и если бы не надобно было готовиться къ отѣзду, опять бы усердно принялъ за Одиссею; но эта служба еще впереди. Въ отвѣтъ на письма твои пишу, что мнѣ весьма, сердечно глубоко жаль, что и ты беспокоишься о женѣ своей: знаю, каково это и дѣлю твое горе; надѣюсь, что ей теперь лучше. Я сышалъ ей большія похвалы отъ нашего общаго друга Полетики, который съ мѣсяцъ тому былъ во Франкфуртѣ, у меня обѣдалъ, провелъ вечеръ, и весьма подружилъся съ женою мою. У старѣлъ Петрикъ, но все тотъ же добрый, милый чудакъ и квакерь. Благодарствую за

Балладу и за Антибалладу. Первая написана прекрасно; у Ростопчиной истинный талантъ... Но ты видишь, что четвертой страницы конецъ; пятой начинать не хочу, чтобы не попасть на обмѣръ. Ты скажешь: не такой-де ты человѣкъ, чтобы написать восемь страницъ! врешь, такой! а теперь нельзя потому, что надобно еще три письма писать, и не короткія. Прощай,—до свиданія. Жуковскій.

XVII.

Эмсъ. 1847 г. 7 августа н. с.

Вхалъ въ Москву, а попалъ въ Эмсъ: вотъ исторія нѣкотораго Русскаго дворянина Василья Андреевича Жуковскаго. Впрочемъ эта участъ всѣхъ человѣковъ, дворянъ и не дворянъ. Живи не такъ какъ хочется, а такъ какъ Богъ велитъ. Вотъ почему я и живу теперь въ Эмсѣ, а не въ Москвѣ и не въ Швейцаріи. Докторъ Коппъ говоритъ женѣ: поѣзжай въ Эмсъ и утопи тамъ свою болѣзнь. Я и привезъ жену въ Эмсъ. И стараемся мы утопить врага своего въ тепломъ крейхенѣ; а утопимъ ли, это знаетъ Богъ. Вотъ уже третья недѣля пошла съ тѣхъ поръ, какъ мы работаемъ изъ всѣхъ силъ; еще остается намъ здѣсь прожить недѣли двѣ. Жена пьеть воду и купается—авось Богъ поможетъ ей. Я что-то хромаю, какой-то врагъ поселился въ пятку; ужъ не подагра ли? Чего доброго, а кажется я вель себя добро-порядочно, въ чемъ и ты, старый шалунъ, мнѣ можешь дать свидѣтельство. Подагра, говорять, есть грамота на долгую жизнь. Хороша грамота! Впрочемъ, если она не болѣе будетъ меня теребить, какъ теперь, то въ часъ добрый. Въ Эмсѣ я нашелъ нѣкоторыхъ Русскихъ, но вообще мнѣ не знакомыхъ. Одинъ только былъ здѣсь милый Русской знакомецъ, Хомяковъ, но и онъ уѣхалъ. Нынѣшній день долженъ пріѣхать обратно изъ Киссингена въ Дармштадъ.

нашъ милый Наслѣдникъ съ Цесаревною, Которой, какъ сказываютъ, воды весьма помогли. Скоро я самъ Его увижу, ибо онъ, слышно, пробудеть цѣлый мѣсяцъ въ Дармштадѣ; и намъ уже Швейцарія не дорога: въ сентябрѣ тамъ для жития холодно; женѣ же нуженъ свѣжій воздухъ. Въ будущемъ году, надѣюсь, непремѣнно быть на родинѣ; съ женою ли, одинъ ли, по буду. Я былъ бы и нынче, когда бы Коппъ не похерилъ моего счета *Strich durch die Rechnung*; на свѣтѣ все *Strich durch die Rechnung*. Черезъ нѣсколько времени буду писать тебѣ о важномъ дѣлѣ, въ которомъ ты весьма можешь помочь мнѣ, если только будетъ у тебя на то средство. Теперь скажу въ двухъ словахъ: хочу издавать полныя мои сочиненія и, можетъ быть, рѣшусь выдать на подписку. Все будетъ напечатано здѣсь; когда напечатается все, то отправлю экземпляры въ Петербургъ. Иногородные, то есть не Петербургскіе и не Московскіе, будутъ посыпать требованія и деньги въ почтамты Петербургскій и Московскій. Можно ли будетъ это такъ устроить, чтобы у тебя въ почтамтѣ могъ завѣдывать отправленіемъ экземпляровъ и принятиемъ денегъ и доставленіемъ денегъ куда слѣдуетъ, особый надежный чиновникъ? Напримѣръ, это сдѣлать бы такъ, чтобы, получивъ требованіе и деньги, пересыпать ихъ въ Петербургскій почтamtъ, а оттуда уже экземпляры высыпались бы по адресамъ, ибо всѣ экземпляры будутъ храниться въ Петербургѣ, кроме тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ разданы книгопродавцамъ для Московскихъ и Петербургскихъ подписчиковъ. Скажи мнѣ объ этомъ свое мнѣніе.

Прости, милый другъ; прошу тебя переслать приложенные письма по адресамъ. Твой вѣчный Жуковскій.

XVIII.

^{13/17} октября 1847 г. Фр. н/М.

Что могу сказать тебе, мой милый другъ, въ отвѣтъ на письмо твое, которое поразило меня такою горестною вѣстью. Тяжелъ твоей печали ничего вообразить не умѣю и ничего не могу сказать тебѣ такого, что могло бы тебя утѣшить. Вполнѣ понимаю твое страшное одиночество и всю безотрадность твоего будущаго. Въ такомъ положеніи, какъ твое, жизнь уже не представляетъ никакой замѣны: въ наши лѣта здѣшнее и будущее не имѣетъ ничего привлекательнаго; если и то, что радовало настьвъ настоящемъ, не исчезнетъ, но уже не найдешь, да и не захочешь искать, ничего такого что бы заняло мѣсто опустѣлого, покинутого нашимъ земнымъ счастіемъ; извѣкъ къ намъ уже ничто не придетъ. Ты, правда, имѣешь мирное убѣжище въ семье твоихъ добрыхъ дѣтей; но и туда придешь ты сиротою; тамъ будешь не чужой, но все своего собственнаго нѣть; и въ душѣ будетъ глубоко сидѣть одиночество—печальный товарищъ на старости лѣтъ. Въ такое-то время становятся вполнѣ утѣшительны и понятны слова: *придите ко Мнѣ всѣ труждающіяся и Азъ упокою вы.* Тутъ узнаешь другаго рода семейную жизнь, въ которой нѣть ни потерь, ни похоронъ, ни одиночества. Въ этомъ - то кругу семейномъ услышишь то, чему не лѣзя повѣрить, когда радостно обладаешь земнымъ счастіемъ; то, что наши земныя страданія, ясно понимаемыя, не только не зло, но благо. Какъ чистая человѣческая философія, это есть галиматъ; какъ ученіе христіанское, это есть высочайшая, утѣшительная истина. Но человѣческое слово не выражить этой истины; поди въ школу къ тому, кто не только учитъ, но и дѣломъ доказываетъ истину своего ученія. При нашихъ человѣческихъ, безотрадныхъ, часто эгоистическихъ умствованіяхъ—

раненное сердце все остается неизлеченнымъ; все передъ нами гробъ, все вокругъ насъ пустота и молчаніе. Но когда обратиться къ живому и животворящему Учителю, то вдругъ все измѣняется: на сердцѣ пластырь, надъ гробомъ вѣеть жизнь, а себя чувствуешь согрѣтымъ на груди Отца, Который уже однимъ своимъ присутствиемъ за все вознаграждаетъ. И такъ, мой милый, примись простымъ и вѣрующимъ сердцемъ за Евангеліе; тамъ и себя оживишь, и жена твоя тамъ воскреснетъ. Помоги тебѣ Богъ.

Прошу немедленно передать приложенное письмо по адресу. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ.

Жуковскій.

XIX.

7 марта н. с. 1848 г.

Что скажешь о скачкѣ по желѣзнѣй дорогѣ политическаго міра? Что сдѣдалось въ послѣдніе двѣнадцать дней! Бывало, такія события происходили въ теченіе вѣковъ. Нынче хронология перемѣнилась. Дни стали вѣками. Это значитъ, что скоро наступитъ вѣчность. Я не буду ничего тебѣ описывать, и на это теперь у меня нѣть довольно досуга. Въ то время, когда будетъ въ твоихъ рукахъ это письмо, ты будешь знать все изъ газетъ. Со мною лично ничего не случилось, и нашъ Франкфуртъ столько спокоенъ и безопасенъ, сколько можно быть въ сосѣствѣ землетрясенія и вулкана, льющаго свою лаву по окрестности. Онь конечно теперь самое безопасное мѣсто въ Германіи. На него изъ первыхъ подѣйствовало вліяніе революціи; были и здѣсь, на ряду съ Баденомъ, Дармштатомъ и Висбаденомъ, движенія, но они кончились ничѣмъ, и теперь все пришло въ свою колеину—на долго ли? это вѣдаетъ Богъ. Въ эту минуту покинуть Франкфуртъ съ женой и дѣтьми было бы не благородно. Если бы я былъ одинъ, я давно

былъ бы на пути въ Россію, которая есть теперь убѣжище покоя. Сохрани Богъ Царя и укрѣпи въ рукѣ Его самодержавіе! Посмотрѣвъ въ глаза этой свободѣ, убѣждаешься въ томъ, какое твердое народное благо можетъ быть устроено на фундаментѣ самодержавія; этотъ фундаментъ у насъ есть: нашъ самодержавный Строитель можетъ еще спокойно и самобытно строить Русское зданіе великаго царства по плану Божіей правды. Чтобы это зданіе, столь богатое будущимъ, могло быть доведено до кровли, всѣ Русскіе теперь крѣпче, нежели когда нибудь должны слиться въ одну силу съ Царемъ своимъ. Каждый пой теперь и въ слухъ и про себя то, что было пропѣто надъ могилами Бородинскихъ воиновъ воинами нашего времени:

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ обѣятья
Простираетъ въ глубь земли!
Нашу Русь вы намъ спасли:
Въ свой чередъ мы грудью станемъ,
Въ свой чередъ мы вѣсъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

Процай! Напиши обо мнѣ Вяземскому. Самому писать некогда. Ж.

XX.

За что же бѣнишься? Получилъ отъ меня письмо и жалуешься на мою лѣнъ. Что за фантазія! Да развѣ ты прилежнѣе меня на письма? Ну полно ссориться—благодарствую и за твои дружескія строки и за пересылку моего писанія по адресу. Вотъ ужъ и я на пути въ Россію. На пути? Да, то есть я уже отправилъ жену въ Эмсъ; а самъ еще сижу во Франкфуртѣ, чтобы уложить свои пожитки и предать ихъ на волю извоѣника и судьбы. Потомъ самъ въ Эмсъ, гдѣ и жена п. я будемъ лечиться. Она тамъ уже болѣе двухъ недѣль и останется еще шесть. Да и я долженъ буду пить воду и купаться недѣли четыре. Занемогъ было не на шутку. Между тѣмъ гроза становится все грознѣе; тучи подхо-

дятъ ближе и ближе. Того и гляди, что вспыхнетъ война во всей Германіи, вѣнчанная и внутренняя. Въ такихъ обстоятельствахъ быть принужденнымъ отложить еще на полные два мѣсяца отъѣздъ свой—весьма непріятно: никакъ нельзя быть увѣреннымъ, будетъ ли какая свободная дорога; можетъ легко случиться, что надобно будетъѣхать въ Россію чрезъ Англію. А что это все стоитъ карману, сказать невозможно. Я перевезу жену (если Богъ позволитъ) сперва въ Лифляндію, гдѣ у ней родные, дабы не вдругъ передать ее во власть нашего злого климата; она тамъ проведеть осень и зиму. А самъ я буду въ Петербургѣ, буду и у васъ въ Москвѣ. Гдѣ опущу свой якорь, это еще для меня не совсѣмъ ясно; но возможнѣе всего: въ Дерптѣ, ибо вмѣстѣ съ нами проѣдетъ туда и вся семья жены; и такимъ образомъ моя жизнь будетъ выражать стихъ Дмитріева:

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ.

То есть я буду перепархивать изъ Дерпта въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, изъ Петербурга въ Дерптъ. И такъ, дружище, моли за насъ Бога, моли, чтобы Онъ открылъ намъ свободный, безопасный путь на нашу родину, въ Россію, въ Россію, гдѣ есть такъ еще много того святаго, котораго и слѣдовъ не осталось въ этой Германіи, раздавленной грузомъ своей цивилизациі. До свиданія

Твой Жуковскій.

14/26 Мая 1848 г.

XXI.

9²¹ Августа 1848 г.

Вмѣсто длиннаго письма посылаю тебѣ, душа моя, коротеньку брошюрку, мною здѣсь напечатанную для немногихъ Русскихъ, здѣшнихъ и домашнихъ. Два экземпляра; пошли изъ нихъ одинъ Вяземскому, другой оставь себѣ. Но прошу тебя, никому не давай въ руки печатнаго; если тебѣ захо-

чется, чтобы другие читали, то вели сдѣлать списокъ, и пускай ходить по рукамъ манускриптъ. Иначе могутъ подумать, что я печатаю за границею для раздачи экземпляровъ на Руси. Я всего на все напечаталъ 40 экземпляровъ, изъ которыхъ не болѣе десятка пойдетъ на родину. Напиши объ этомъ и Вяземскому; а отъ него получишь известія подробныя обо мнѣ. Въ двухъ словахъ: холера остановила меня на самомъ отъѣздѣ; ѿду на зиму въ Баденъ; а на будущій годъ съ первымъ путемъ, если Нѣмецкая революція не сожретъ меня, отправлюсь къ вамъ. Досадно, грустно, разорительно—а дѣлать нечего. Приложенія письма раздай и разошли. Обнимаю тебя

Жуковскій.

Я посылаю черезъ тебя такія тучные письма въ томъ предположеніи, что ты, какъ Почтъ-директоръ, ничего за письма не платишь. Однако лучше будетъ, если ты мнѣ скажешь, такъ ли это, или нѣтъ.

XXII.

9 Октября н. с. 1848 г.

По адресу приложеннаго здѣсь письма ты вѣроятно заключишь, что я не имѣлъ намѣренія писать къ тебѣ, и ты не ошибешься. Но стало совсѣмъ, и я рѣшился прибавить нѣсколько строкъ на твое лицо, ибо все таки ты можешь обо мнѣ хоть минуту побеспокоиться, читая въ газетахъ, что Штруве бунтуетъ и грозитъ возмутить весь Югъ Германіи, гдѣ азъ нижепоименованный избралъ свое мѣсто-пребываніе на всю зиму въ прекрасномъ Баденѣ; но въ тѣхъ же газетахъ ты прочтешь, что Штруве взятъ и что мяteжъ успокоенъ; это однако не значитъ, чтобы все было въ порядкѣ—напротивъ все въ безпорядкѣ, и этотъ беспорядокъ часть отъ часу увеличивается. До чего суждено мнѣ дожить въ Баденѣ, я не знаю; добра не предвидится; но дѣлать нечего: я не произвелъ, не выбралъ, а только поко-

рился обстоятельствамъ; остальное во власти Божіей. Я совсѣмъ не благодаришь за ту поправку, которую сдѣдали въ моихъ стихахъ, напечатанныхъ въ С. П. Вѣдомостяхъ и перепечатанныхъ въ Сѣверной Пчелѣ. И это не отъ авторскаго самолюбія, а просто отъ того, что изъ смысла сдѣлалась безсмыслица. Вотъ мои стихи:

Волнъ ругательные визги
Вѣтръ, озлившій ихъ, умчитъ:
Ихъ (волны) гранить твой разразитъ,
На тебя нападшихъ, въ брызги.

Вместо послѣднихъ двухъ стиховъ стоитъ:

И летучія ихъ брызги
О гранить твой разразитъ.

Первое, жаль что энергическое слово брызги не осталось на концѣ: оно живописно оканчиваетъ картину. Послѣ разразитъ ждешь чего-то; кажется, нѣтъ конца. Но главное то, что нѣтъ смысла. Если перевести въ прозу мои стихи,—будетъ: *ругательный визгъ волнъ разнесетъ вѣтеръ, а если онъ нападутъ на тебя, твой гранитъ разразитъ ихъ въ брызги.*

Вместо того поправка говорить: *вѣтеръ умчитъ визги волнъ и разразитъ ихъ брызги объ гранитѣ.*

Если брызги, то зачѣмъ разбивать ихъ снова? И какая въ этомъ нужда? Хорошо, когда разобьешь въ брызги волны—тутъ есть чѣмъ похвалиться! Тутъ есть сила. А сражаться съ брызгами, бить битаго—мало чести.

Прошу это послать Вяземскому, а приложенное письмо по адресу. Обнимаю тебя. Мой адресъ: а Bade-Bade. Maison Kleinmann.

XXIII.

1849 $\frac{7}{19}$ Марта. Баденъ.

Благодарствую, мой милый Александръ, за твой письма, за доставленіе писемъ ко мнѣ, за отсылку моихъ, за описание печатное праздника и за разные конфекты, которыми ты потчуешь меня въ твоихъ письмахъ. Чтобы дать тебѣ еще болѣе права на сердечную мою благодарность, прила-

гаю толстый пакетъ, который прошу доставить по адресу. При ономъ пакетъ просьба покорная: увѣдомить меня, получилъ ли слѣдующій ему экземпляръ Антонскій⁽¹⁶⁾ и получилъ ли при экземпляре письмо? Его молчаніе меня тревожитъ. Прошу тебя не погнать и меня обѣ немъ увѣдомить. Хороши мои всѣ пріятели, которыхъ я вспомнилъ посыпкою къ нимъ Одиссеи и прочаго. Ни одинъ не откликнулся, ни одинъ не сказалъ спасибо за подарокъ. Гдѣ Гоголь? Ты вѣдь съ нимъ знакомъ? видишь его? Если видашь его, скажи ему, что я всѣмъ сердцемъ пѣняю ему за молчаніе. Не пишу самъ потому, что теперь на цѣлый мѣсяцъ наложилъ на себя эпитетомъ молчанія. Цѣлый мѣсяцъ не примусь за перо потому, что все время хочу посвятить Одиссею, которую надѣюсь, съ Божией помощью, кончить къ половинѣ апрѣля н. с. Это будетъ чисто къ 1 апрѣля нашего стиля. Тогда Россія скажетъ мнѣ, получивъ Одиссею: это-де Poisson d'Avril, Василій Андреевичъ изволитъ корить насъ рыбкою. Но дѣло не обѣ томъ. Праздникъ у васъ, нечего сказать, былъ прекрасный⁽¹⁷⁾. Мысль его мнѣ чрезвычайно понравилась, и почти жаль, что праздникъ былъ *данъ*: его непремѣнно бы надобно было отложить до первого посѣщенія Москвы Императоромъ. По крайней мѣрѣ ограничиться бы однимъ Кенильвортомъ, а Россію сберечь про Русскаго Царя. Но это была службушка, а служба впереди. Можно повторить будь Россію при первомъ появлѣніи Царя въ ея древнюю столицу; но чтобы не было просто повторенія, можно прибавить къ представленію

⁽¹⁶⁾ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, бывшій директоръ Университетскаго Пансиона, гдѣ воспитывался Жуковскій, который еще не зналъ тогда, что престарѣлаго наставника его уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ не было въ живыхъ.

⁽¹⁷⁾ Праздникъ въ маскахъ, у Московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, устроенный по мысли и заботами С. П. Шевырева.

матеріальной Россіи въ ея народахъ, быстрый обзоръ ея Исторіи; можно въ немногихъ живыхъ картинахъ представить всѣ главныя эпохи ея исторіи. Надобно только, чтобы выбраны были сюжеты живописные, а эскизы и планъ разстановки, костюмы и освѣщеніе были поручены живописцу и чтобы онъ въ этомъ дѣлѣ былъ полнымъ господиномъ. Для избранія сюжетовъ, составить комитетъ изъ нашихъ ученыхъ профессоровъ, которыхъ особенный предметъ есть Исторія Россійская, не забыть пригласить въ этотъ комитетъ Хомякова и Гоголя. Все это должно составить одно цѣлое: быстрый, живописный обзоръ той дороги, которою судьба провела Россію до нашего времени. Надобно, чтобы этимъ обозрѣніемъ начался праздникъ; чтобы въ залѣ были рамы для всѣхъ картинъ; чтобы каждая сперва хронологически показывалась по одиначкѣ, потомъ разомъ показать всѣ. Представивъ такимъ образомъ Русскому Царю все славное прошедшее, покажите Ему мучее настоящее, то есть, теперешнюю Россію въ ея народахъ. Сообщи эту мысль графу Закревскому: она, я увѣренъ, ему понравится; тогда для Гостя будетъ достойное Его угощеніе, и бывшимъ прекраснымъ праздникомъ можно будетъ воспользоваться какъ не бывшимъ. Вотъ еще идея: когда пріѣду къ вамъ въ Москву я, ты долженъ дать мнѣ праздникъ изъ живыхъ картинъ; а картины взять изъ всѣхъ моихъ славныхъ твореній. Это будетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Прощай на цѣлый мѣсяцъ. Я писалъ скоро; не знаю, разберешь ли; но по дѣломъ тебѣ. Въ послѣднихъ твоихъ письмахъ я самъ могъ разобрать только половину.

XXIV.

Пишу къ тебѣ два слова только для того, чтобы тебя вывести изъ недоумѣнія обо мнѣ. До васъ уже дошли

вѣсти о томъ, что творится въ Баденѣ. Анархія во всей звѣрской красотѣ своей. Я не дождался ея Сатурналии и вѣремя перевезъ жену въ Страсбургъ, гдѣ она, то есть жена, а не анархія, пролежала недѣлю въ постелѣ. Теперь я въ Базель, завтраѣду въ Бернъ. О дальнѣйшемъ буду писать съ мѣста. А ты перешли приложенное письмо, и съ тѣмъ я только пишу о себѣ двѣ строки, чтобы родные не вздумали за насъ чего нибудь болтать. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Прощай—обнимаю тебя.

Базель ^{17/29} мая.

P. S. Мой адресъ пока: à Berne poste restante. Прошу тебя не пользуйтесь написать ко мнѣ туда. Ты созданъ быть утѣшителемъ странствующихъ вдали отъ отечества; никто изъ моихъ пріятелей такъ не былъ ко мнѣ жалостливъ какъ ты; благодарю тебя. Многое для меня доходило—и доброе и худое; я не былъ изгнаникомъ. Благодарю за послѣднія увѣдомленія о пребываніи Царя въ Москвѣ: славно! Дай Богъ теперь другой славы, съ ме-чью въ рукахъ противъ бунта и анархіи. Прощай, мой милый, ты полушишь въ свое время изъ Петербурга экземпляръ первыхъ томовъ изданія моихъ сочиненій. Раздай ихъ по прежнему образцу. Если увидишь Гоголя, скажи ему, что я получилъ коротеньку записочку, которая доказала мнѣ только то, что ему ко мнѣ писать не хочется; вслѣдствіе сего и я не пишу къ нему, а ты увѣдомь его, что Одиссей кончена и отпечатана, и вѣдетъ на долгихъ въ Россію. Доѣдеть ли? Богъ знаетъ.

XXV.

Благодарствую, моя умница, за ми-лую твою писулечку и за доставле-ніе письма отъ Кирѣевскаго, которому прошу переслать немедленно приложенное. Я получилъ твою эпистолу въ Бернѣ. Завтра переселяюсь съ своей семьей въ Тунъ, гдѣ мы до-

ждемся Гугерта и гдѣ женѣ можно будѣть продолжать свое начатое леченіе. Пробывъ вмѣстѣ съ своими весь іюнь, въ началѣ іюля отправлюсь одинъ въ Петербургъ—какою дорогою, еще не знаю. Если Государь будетъ еще въ Варшавѣ, то черезъ Варшаву. Во всякомъ случаѣ имѣю вѣрную надежду увидѣть тебя, милаго друга, нынѣшнимъ лѣтомъ. Извѣстіе о Вяземскомъ грустно для меня: мнѣ вѣроятно суждено съ нимъ разъѣзжаться. Но оно меня радуетъ за него, ибо эта поїздка разбудить его страждущую душу, обхваченную параличемъ горя. Отъ него самого я не имѣю отзыва на мое письмо: онъ не отвѣчалъ мнѣ. Напиши мнѣ о немъ подробно тотчасъ послѣ свиданія съ нимъ. Этимъ ты ме-ня обяжешь

Въ Баденѣ льется кровь; она па-деть на главу тѣхъ бѣшеныхъ, кото-рые все взбунтовали своими нелѣни-ми теоріями. Наше путешествіе или бѣгство изъ Бадена въ Страсбургъ было довольно тревожное. Оно случи-лось въ самый день вспышки бунта въ Карлсру. Побѣдавъ изъ Бадена по же-лѣзнѣй дорогѣ, уже на первой станціи нашли мы главную квартиру Штруве (въ тотъ самый день освобожденаго Бунтовщиками). Передъ нашимъ вагономъ и позади его, около тридцати вагоновъ, всѣ наполнены солдатами и пѣникою чернью съ заряженными ружьями, косами, дубинами и прочими конфектами; крикъ, шумъ, топотъ, стрѣлянье изъ ружей; и на каждой станціи надобно было ждать: одни выходили изъ вагоновъ, другие въ нихъ лѣзли, съ крикомъ, пѣснями, воемъ, лаемъ, стрѣльбою; наконецъ до десяти героевъ сѣло на кровлѣ на-шего вагона. Такое пріятное путеше-ствіе продолжалось три часа.... Но ме-ня прерываютъ: надо печатать письмо; прости, другъ, обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ. Пиши. Жуковскій.

9 іюля н. с.

Бернъ (1849 г.)

XXVI.

Мой милый Булгаковъ, пишу къ тебѣ изъ Варшавы за два часа до моего отѣзда. Но не радуйся ни за меня ни за себя: ѿду обратно въ Баденъ, гдѣ оставилъ жену болѣнную; нѣть никакой возможности перевести ее на зиму въ нашъ климатъ. И такъ опять мой возвратъ отложенъ до будущаго лѣта. Горько мнѣ это; горько мнѣ бивакировать на чужой землѣ, гдѣ нѣть теперь ни покоя, ни пріюта; еще болѣе горько отъ причины, которая меня къ тому принуждаетъ; а ты все мнѣ пишешь: обасурманился, зажилъ, бросилъ Россію; это меня печалить и сердитъ. Государь понялъ мое положеніе и отпустилъ меня весьма милостиво: доказательствомъ этой милости служить то, что Онъ, уѣзжая изъ Варшавы въ самый день кончины нашего доброго ангела Михаила Павловича, далъ мнѣ Бѣлаго Орла съ прекраснымъ рескриптомъ. Я бы могъ тебѣ разсказать о здѣшнемъ бытѣ, но физически это мнѣ не возможно; ѿду черезъ два часа, укладываясь, и у меня люди. Прости. Пиши по прежнему въ Баденъ. Баденъ au Graben, maison Kleinmann. Изъ Бадена напишу. Твой Жуковскій.

1 сентября 1849. Варшава.

XXVII.

Не могу сказать тебѣ, душа моя какъ я благодаренъ тебѣ за твои письма. Ты болѣе всѣхъ помнишь обо мнѣ и содержишь между мною и родиною постоянное сношеніе. И у меня письма твои всѣ до одного сохраняются; но по смерти моей ты ихъ не получишь: они и домашнимъ моимъ пригодятся. Теперь пишу къ тебѣ на скоро, чтобы переслать тебѣ письмо, которое ты доставь по адресу. Самъ же хлопочу о важномъ дѣлѣ. Устанавливаю все для вечерняго Христова праздника, который имѣеть быть нынѣ въ моей семье совокупно съ семьею моего тестя. Значитель-

ная эпоха въ дѣтской жизни! Теперь дѣти какъ въ лихорадкѣ: Саша на весь домъ поетъ; а Пашка прыгаетъ, брыкается и пляшетъ.

Поздравляю тебя съ праздникомъ и Новымъ годомъ и всѣмъ сердцемъ обнимаю.

Жуковскій.

^{12/24} декабря 1849 г.

XXVIII.

^{1/13} июля 1850 г.

Я совсѣмъ на мази, чтобы къ вамъ ѿхать; но весьма вѣроятно, что не поѣду — это зависитъ отъ того, что мнѣ напишетъ Великій Князь Цесаревичъ. Я рѣшился ѿхать непремѣнно нынѣшнимъ лѣтомъ особенно потому, что въ нынѣшнемъ ноябрѣ будутъ праздновать 25 лѣтъ царствованія нашего Великаго Царя. Но, услышавъ во время, что этотъ праздникъ долженъ повториться въ Москвѣ въ день коронаціи, я сдѣлалъ запросъ Моему милому Высочеству, точно ли будетъ повтореніе? Жду Его отвѣта. Если не будетъ повторенія и если праздникъ будетъ только въ нынѣшнемъ ноябрѣ — поѣду; если же будетъ повтореніе праздника въ Москвѣ — остаюсь еще на зиму. Это будетъ спасительно и для моего и для женина здоровья, и весьма, весьма выгодно для многихъ работъ, которыхъ разомъ и на долго остановятся, если я теперь отправлюсь въ Россію. Ты (я вижу отъ сюда) хмуришь лобъ, носъ и брови, и конечно запоешь свою старую, безсмысленную пѣсню: *ты де отказался отъ Россіи*. Пѣть легко, а терпѣть трудно, особливо такъ какъ мнѣ пришлось терпѣть, и особливо въ послѣдніе четыре года. И какъ я ни радовался въ мысляхъ своихъ возвращенiemъ въ отчество, но благоразуміе требуетъ, чтобы я воспользовался возможностю еще остаться, здѣсь. Весьма не забавно ѿхать съ мыслю, что скоро придется подняться опять всѣмъ домомъ для возобновленія бивачной заграничной жизни. И

такъ, вмѣсто того, чтобы сердить ме-
ня своими неосновательными обвине-
ніями, на которыхъ ты никакого права
не имѣешь, ибо не видишь, что со-
мною дѣлается, войди дружески въ мои
обстоятельства, прими въ нихъ уча-
стіе, пойми тягость моего положенія
и не ври на меня вздоръ. Я не на-
одихъ розахъ; давъ мнѣ милостиво
розы семейной жизни, Богъ не унич-
тожилъ ихъ колючекъ—и на это я не
роши, напротивъ знаю, что въ этихъ
колючкахъ много Его благости. Толь-
ко мои пріятели не должны прибав-
лять къ этимъ колючкамъ своихъ соб-
ственныхъ. Вотъ тебѣ мое наставле-
ніе. Ты же ничего не потеряешь и не
выиграешь, если я нынѣшнимъ лѣ-
томъ останусь или поѣду: во всякомъ
случаѣ я не буду въ Москвѣ прежде
будущей весны. Мнѣ надобно будетъ
сидѣть покойно дома и крѣпко беречь-
ся зимнихъ переѣздовъ и зимней возъ-
ни. Я отвыкъ отъ нашего климата;
мнѣ 67 лѣтъ, а болѣзнь, которая дважды
у меня начиналась (водяная въ
груди) и устранина сперва *Копполомъ*, а потомъ *Гугертомъ*, требуетъ
отъ меня большой осторожности: въ
мои лѣта выздоравливать трудно, на-
добно всѣми силами стараться *не зане-
могать*. Если бы еще лѣтъ десятокъ
Господь Богъ позволилъ пожить на
землѣ, это могло бы быть хорошо
для семьи моей; но Онъ знаетъ лучше
меня, что мнѣ надобно. Мое же дѣло
состоитъ только въ томъ, чтобы ис-
полнить то, чего требуетъ Его воля
въ настоящемъ. Твой Жуковскій.

XXIX.

1/3 октября 1850 г. Баденъ.

Начато, не помню котораго числа.
Звѣзда первой величины (¹⁸) обнимаетъ

(18) Булгаринъ назвалъ Жуковскаго въ своей Сѣв. Пчелѣ звѣздою первой величины. Говорятъ, что однажды кто-то пробрался въ типографію, где печаталась Сѣверная Пчела и въ заголовкѣ газеты вмѣсто буквы *и* поставилъ *к*. Номеръ такъ и вышелъ въ свѣтъ.

тебя и благодарить за добрыя твои
письма и доставленіе ей писемъ. Она
докладываетъ тебѣ слѣдующее: дѣй-
ствительно ей уже нанимали домъ въ
Ливонскихъ Аѳинахъ; но звѣзда при-
нуждена оставаться на темномъ Нѣмец-
комъ фирмаментѣ; понеже и она са-
ма и ея созвѣздіе находятся въ бо-
лѣзненномъ состояніи. Теперь звѣзда
первой величины кашляетъ; но она
однако собирается посѣтить небо Вар-
шавы, чтобы тамъ полюбоваться Ца-
рицею Русскаго фирмамента, солнеч-
нымъ сіяніемъ. подруги Рус-
скаго Царя. Это письмо начато то-
му днѣ десять. Оно служить но-
вымъ доказательствомъ, что на семъ
свѣтѣ плановъ никакихъ дѣлать не
должно. Въ началѣ сего письма звѣзда
первой величины собиралась въ Вар-
шаву; а прежде нежели письмо пере-
шло на другую страницу, у звѣзды
сдѣлался геморой, и докторъ Гугертъ
приговорилъ звѣзду сидѣть въ Баденѣ,
изъ уваженія къ органу ея сидѣ-
нія, который въ семъ случаѣ одер-
жалъ верхъ надъ ея головою, орга-
номъ ея разума и поэтическаго генія,
такъ расхвалиемаго Скверною или Сѣ-
верною Пчелою. И такъ, любезный
мой Александръ, я еще на зиму оста-
юсь въ Баденѣ....

Вотъ и еще нѣсколько дней прош-
ло съ тѣхъ поръ, какъ звѣзда первой
величины начала писать это письмо.
Она докладываетъ тебѣ, блестатель-
ный Московскій Оріонъ, что, при всей
своей тебѣ извѣстной глупости, она
поступила весьма умно, что не уст-
ремила теченія своего въ Варшаву.
Вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ у насъ
безпрестанный холодный дождь, по-
года премерзкая, и октябрь обѣщаетъ,
кажется, быть весь холоднымъ, сы-
рымъ и грязнымъ. Прогуливайся тутъ
по желѣзной дорогѣ! А между тѣмъ
Государыня въ Скерновицахъ, въ
двухъ часахъ юзы по желѣзной доро-
гѣ отъ Варшавы. И такъ, пріѣхавъ
туда на недѣлю, я бы каждый день дол-

женъ былъ проводить по четыре часа на желѣзной дорогѣ, чтобы увидѣть Императрицу на минуту. Большое счастіе, что геморой во время испугалъ Гугерта. Что, если бы я слегъ въ Варшавѣ? — И такъ, дружище, не хмурься на меня. Вамъ хорошо тамъ судить и на вѣтеръ вторить: забылъ отечество, отказался отъ Россіи! Поглядѣлъ бы на то, что у меня дома дѣлается и каково бываетъ мнѣ въ иных минуты. Наконецъ однако рѣшительно лучше. Увидимъ, что скажетъ зима и революція, которая, благодаря презрѣнному курфирстру, выросла на сто процентовъ. — Прости, пиши по прежнему. Ты одинъ держишь меня въ связи съ отечествомъ своими добрыми письмами.

Твой Жуковскій.
